

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-3-88-96

МОТИВ ВОЛКА В РАННИХ РАССКАЗАХ М. А. ШОЛОХОВА: ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ И АВТОРСКОЕ МИРОМОДЕЛИРОВАНИЕ

Гридина Т. А.^{1*}, Коновалова Н. И.^{1,2}

¹Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург,
Российская Федерация

²Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Поступила в редакцию 10.04.2025

Принята к публикации 16.04.2025

Аннотация

Цель. Рассмотреть символический мотив волка как основу создания художественной модели мира в ранних рассказах М. А. Шолохова.

Процедура и методы. В статье использованы процедуры мотивного и контекстуального анализа, метод лингвокультурологического описания мифологем, анализ пространственно-временной организации текста, метод анализа ключевых слов при выявлении символики образа волка.

Результаты. Проанализирован образ волка как сквозной символический мотив «Донских рассказов» М. А. Шолохова. Охарактеризованы основные параметры мотивной организации рассмотренных рассказов: амбивалентность образа волка, проявляющая его противоречивую природу; антропоморфизация образа волка, представленная в использовании приёма психологического параллелизма при сопоставлении природных и человеческих характеристик изображаемого; описана структура хронотопа как условие реализации авторского замысла; выделены тематические векторы развёртывания мотива волка, главными из которых являются темы мести и трагического противоборства в обрисовке характеров персонажей.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в обосновании методологии мотивного анализа для выявления символических смыслов мифологемы в соотношении фольклорной традиции и авторского миромоделирования.

Ключевые слова: амбивалентность, зооморфный символ, миромоделирование, мотив, образа русская литература, художественный текст

Для цитирования:

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Мотив волка в ранних рассказах М. А. Шолохова: фольклорные традиции и авторское миромоделирование // Отечественная филология. 2025. № 3. С. 88–96. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-88-96>.

Original research article

THE WOLF MOTIF IN THE EARLY STORIES OF M.A. SHOLOKHOV: FOLKLORE TRADITIONS AND THE AUTHOR'S MODEL OF THE WORLD

T. Gridina¹, N. Konovalova^{1,2}

¹Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russian Federation

²Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg,
Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: tatyana_gridina@mail.ru

© СС BY Гридина Т. А., Коновалова Н. И., 2025.

Received by the editorial office 10.04.2025

Accepted for publication 16.04.2025

Abstract

Aim. To consider the symbolic motif of the wolf as the basis for creating an artistic model of the world in M. Sholokhov's early stories.

Methodology. The article uses the procedures of motive and contextual analysis, the method of linguo-cultural description of mythologemes, analysis of the spatiotemporal organization of the text, and the method of keyword analysis to identify the symbolism of the wolf image.

Results. The image of the wolf as a continuous symbolic motif of M. Sholokhov's "Tales from the Don" is analyzed. The main parameters of the motive organization of the stories under consideration are characterized: the ambivalence of the image of the wolf which reveals its contradictory nature; anthropomorphization of the image of a wolf presented in the use of the psychological parallelism technique when comparing the natural and human characteristics of the depicted; the structure of the chronotope is described as a condition for the implementation of the author's intention; thematic vectors of the development of the wolf motif are highlighted, the main ones being the themes of revenge and tragic confrontation in the depiction of the characters' personalities.

Research implications. The paper substantiates the methodology of motive analysis for identifying the symbolic meanings of mythologemes in the relationship between folklore tradition and the author's world modeling.

Keywords: ambivalence, zoomorphic symbol, world modeling, motive, image, Russian literature, fiction

For citation:

Gridina, T. A. & Konovalova, N. I. (2025). The Wolf Motif in the Early Stories of M. A. Sholokhov: Folklore Traditions and the Author's Model of the World. In: *Russian Studies in Philology*, 3, pp. 88–96. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-88-96>.

Введение

Ранние рассказы написаны М. Шолоховым в начале двадцатых годов прошлого века: начиная с 1923 г. они выходили отдельными текстами и лишь в 1926 г. были изданы одной книгой под общим названием «Донские рассказы». Этот цикл стал, по сути, предтечей эпического художественного полотна романа «Тихий Дон» и основой многих сюжетных коллизий как произведений самого М. Шолохова, так и других писателей. Шолоховская историография столь обширна, что невозможно (и в этом нет необходимости) представить её в кратком обзоре¹. Отметим лишь некоторые направления исследований последних лет: «ценностно-смысловая оппозиция войны и мира, ... категории священно-

символической границы, двойничества, жертвоприношения, фатальной предопределённости» [1, с. 5]; влияние военной прозы М. Шолохова на формирование «окопной прозы» [2, с. 61]; особенности авторской метафоры в сравнении с русскими волшебными сказками [3]; классика и современность: М. Шолохов в диалоге эпох и культур [4–6]; женский типаж в творчестве писателя [7] и др.

Проблемное поле данной статьи – анализ сквозного мотива волка в ранних рассказах М. Шолохова как «инструмента» моделирования многослойного мира художественного текста, «... где само слово есть объект авторской рефлексии, ... обнаружения потенциальных планов его интерпретации» [8, с. 272]. Этот мотив демонстрирует связь с фольклорными традициями и значимость для автора идеи «расчеловечивания» человека в кошмаре братоубийственной войны, социального разлома эпохи на примере донского казачества.

¹ Глубочайшее уважение вызывает проект «Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова», где представлена, в частности, постоянно пополняющаяся база данных, посвящённых исследованиям творчества писателя, в том числе в журнале «Мир Шолохова», получившем широкое признание.

Мотивная организация «Донских рассказов» М. Шолохова

Обязательные качества мотива (по А. Н. Веселовскому [9]) – повторяемость, образность, психологический параллелизм, набор устойчивых значений, в том числе символических, суггестивность, развёртываемость в сюжетных коллизиях. На основании этих параметров можно выделить в качестве основных для ранних рассказов М. Шолохова мотивы *судьбы, земли, пути (дороги), хлеба, детства, коня* и некоторые другие, взаимосвязанные и в комплексе образующие единое семантическое поле текста.

Одной из главных в поэтике «Донских рассказов» стала идея выбора: герои определяют для себя, каким путём идти, «кто свой, кто чужой» (см., например: [10]). В этой связи чрезвычайно показателен **мотив волка**, выполняющий особую функцию в моделировании художественного пространства текстов Шолохова (данный «неслучайный» мотив появляется почти во всех рассказах цикла). Волк в традиционной народной культуре является одним из самых мифологически насыщенных образов [11; 12; 13, с. 202, с. 205]. Исследователями отмечается его *амбивалентность*, «он посредник между этим и тем светом, между людьми и Богом, между людьми и нечистой силой ...; нередко волк воспринимается как *нехрист* ...». Определяющим в символической волка является признак «*чужой*»¹. Покажем, как эти народные представления о волке находят отражение в «Донских рассказах» писателя.

Амбивалентность образа волка проявляется через его противоречивую природу: он одновременно выступает и как жертва обстоятельств, и как хищник, убийца. Такой статус волка в народном сознании находит отражение в сюжетах рассказов и судьбах героев, соотносимых с волком. Так, герой рассказа «Кривая стёжка»² Васька, сын пастуха, полюбил дочь богато-

го казака, отец не пустил её замуж, ждать Ваську из армии она отказалась, и тот стал дезертиром, чтобы видеть свою Нюрку. Шолохов несколькими штрихами описывает, как Васька уподобляется волку: *В лесу, под вывороченной корягой в красной маслянистой глине выдолбил Васька пещерку небольшую, впору лишь волку уместиться ... изредка после полуночи перекликаются молодые волчата*.³ Там, вдали от людей, понял он, что не на ту стёжку попал, на кривую ... и в лесу, в буреломе, застреленный волк на облаве, как бешенная собака, умрёт от пули своего же станичника.⁴ Хотел пойти сдаться (нехай арестуют, зато с людьми), но смелости не хватило. И дальше обстоятельства складываются так, что Васька поневоле становится уже настоящим хищником, убийцей, волком-одиночкой. Снова появляется образ волка после того, как понял герой, что по ошибке⁵ убил свою любимую, и, *припадая к маленькому неподвижному телу, калачиком лежавшему на земле, завыл долгим и тягучим волчьим воем*.⁶ В этом зверином вое – страдание человека, ставшего изгоем, теперь уже безвозвратно потерявшего самое главное – возможность жить с людьми.

Антропоморфизация волка часто представлена в использовании приёма психологического параллелизма персонажей. Это особенно ярко видно в описании родов женщины, где используются волчьи характеристики: Дарья (рассказ «Шибалково семя») *забилась в ямы, в бурелом, вымоину нашла и, как волчица, листьев-падалицы нагребла и легла вниз мордой*.⁷ Интересным приёмом создания психологического параллелизма является также «зеркальное» описание Шолоховым волчицы, которая *щенилась, как женщина в родах* (рассказ «Коловерть»): *в яру, промытом веиной во-*

¹ Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1. А–Г / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. С. 411.

² Шолохов М. А. Рассказы. Л.: Художественная литература, 1983. 304 с.

³ Там же. С. 142.

⁴ Там же. С. 143.

⁵ По сюжету рассказа Васька убивает свою любимую, принимая её за ненавистную ему, выдавшую его полиции Нюркину мать (убитая им девушка была в её жёлтой кофте).

⁶ Шолохов М. А. Рассказы. Л.: Художественная литература, 1983. С. 146.

⁷ Там же. С. 28.

дой, в буреломе, в запахе пьяном листьев лежалых, ночью щенилась волчица, стонала, как женищина в родах, грызла под собой песок, кровью пропитанный, и облизывала первого мокрого шершавого волчонка.¹ Однако на этом параллелизм и заканчивается: в человеческом обществе главное – не семейное счастье, а счастье борьбы за построение нового мира. На этом строится конфликт в рассказе: Шибалок², которому Дарья призналась, что она сообщила банде информацию об отряде красноармейцев, безжалостно убивает её: *Не дам я тебе дитя к грудям припуцать ... а пострелёнка жалко до крайности ... сын будет власть советскую оборонять*.³ Ср. финал предыдущего рассказа «Коловерть»: А волчица прислушалась насторожённо и в ответ короткому стонущему крику [предсмертному стону человека] *завыла хрипло и надрывно*.⁴ Этот своеобразный «диалог» животного с человеком имеет пресуппозицию, отсылающую к известному поверью, согласно которому «волчата выводятся там, где волк завоет в определённое время и где выводятся волчата, волк вреда не делает».⁵ Волчица таким образом отмечает место как безопасное для человека от волков, но, с другой стороны, что касается людей, – это законы человеческого общества. И в этой связи можно вспомнить другие народные приметы: «Волк прокладывает свои тропы туда, где будет война. Множество волков сулит войну или мор скота. Вой волков предвещает голод».⁶ Волки – существа, подчинённые

природным законам. Судьба волчьей стаи, их неизбежная гибель или выживание – это метафора человеческой судьбы. Герои рассказов часто действуют по предопределённому сценарию, как волки, подчиняющиеся инстинктам, что подчёркивает неотвратимость событий.

Организация хронотопа рассказов как условия реализации мотива волка создаёт особую атмосферу дикости и первобытности, противопоставленную цивилизованному миру. Это проявляется в описании лесных уголков, буреломов, где разворачиваются ключевые сцены с участием волчьих образов. В фольклорной традиции «волк является олицетворением тёмной тучи, заслоняющей солнце, и вообще темноты. Пришёл волк (тёмная ночь) – весь народ умолк; взлетел ясен-сокол (солнце) – весь народ пошёл».⁷ См. также: «Волк по своему хищному разбойничьему нраву получил в народных преданиях значение враждебного демона. В его образе фантазия олицетворила нечистую силу ночного мрака, потемняющих небо туч и зимних туманов ... Слово *темнота* служит метафорическим названием волка».⁸ Во всех ранних рассказах М. Шолохова основные драматические события происходят в тёмное время суток: *ночью, в полночь, в сумерках, как только смеркнется, спозаранку, перед рассветом, перед вечером*. «Переходным» является не только время суток, но и время года: *осень, ранняя весна, перед пасхой*. Место действия в структуре хронотопа «Донских рассказов» также является знаково неопределённым: *поперёк дороги, крайний двор, переулок, лес, мельница, шлях, позади хутора, в логу, под вывощенной корягой, около проруби, за резко очерченной линией горизонта*. Ср. значимую для фольклорной традиции семантику «сакральной негарантированности» переходного времени и места.

¹ Шолохов М. А. Рассказы. Л.: Художественная литература, 1983. С. 131.

² Красноармеец-пулемётчик Шибалок, гонимая за бандой по станицам Дона, подбирает возле дороги женщину (Дарью), которая притворилась изнасилованной бандитами и была из жалости взята им в его отряд. Впоследствии Дарья рождает сына от Шибалки и признаётся ему в собственном доносе бандитам информации о тяжёлом положении отряда, у которого закончились патроны. В результате много красноармейцев погибло.

³ Шолохов М. А. Рассказы. Л.: Художественная литература, 1983. С. 30.

⁴ Там же. С. 131.

⁵ Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1. А-Г / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. С. 414.

⁶ Там же. С. 417.

⁷ Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. Словарь славянской мифологии. Нижний Новгород: «Русский купец», 1995. С. 42.

⁸ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. Т. 1. М.: Современный писатель, 1995. С. 377–378.

Тематические векторы развёртывания мотива волка в «Донских рассказах»

1. Тема мести (рассказ «Смертный враг»). Это, пожалуй, единственный рассказ, где волк (волчица) не метафора, не «фоновая» фигура, а активный персонаж, включённый в систему образов и сюжетную канву. Шолохов показывает противостояние человека человеку: *Со дня пере-выборов через хутор словно кто борозду пропахал и разделил людей на две враждебные стороны.*¹ С одной стороны – хуторская беднота, интересы которой защищает красноармеец Ефим Озеров, с другой – зажиточные казаки во главе с Игнатом, прежним «заправилой» хутора, который затаил на Ефима злобу «и из-за угла втихомолку гадил».² В это противостояние люди втягивают волчицу: Игнат задушил и подбросил во двор Ефима «двух волчат, шершавеньких и беспомощных», зная, что мать-волчица придёт мстить за своих детёнышей. *Ночью к хутору спустилась волчица и долго чёрной недвижной тенью стояла возле ветряка*³, а потом зарезала овец и корову, оставив маленького ребёнка Ефима без молока. В отместку Ефим убивает «дорогого пса» Игната, кроме того, добивается, чтобы суд принудил Игната уплатить долг его работнице. Волчья злоба, охватившая его врага, не стихает, и он ночью, тайно, со своей «сворой» убивает Ефима: *Глядя вбок, Ефим увидел надломленный стебель камыша. Сломали и меня... И сейчас же в тускнеющем сознании огненные всплыли слова: Попомни, Ефим, убьют тебя – двадцать новых Ефимов будет! Как в сказке про богатырей...*⁴ Смерть волчат становится символом неизбежной, неотвратимой утраты. И не волк здесь враг человеческий: финал не оставляет надежды на прекращение мести и гибели людей по разные стороны «пропаханной борозды жизни».

Другой вариант решения темы мести в русле мотива волка представлен в рассказе «Обида», в котором человеческая натура раскрывается через сопоставление с внешностью и повадками волка. Главного героя рассказа, хлебопашца Степана, у которого семья – пухнувшие с голоду «восемь ртов, оставшихся от сына, убитого в гражданскую войну»⁵, смертельно обидели: ночью по дороге на хутор со станции отобрали семенной хлеб. М. Шолохов сравнивает поведение персонажа в ситуации жесточайшего страдания с волком: *вздохмаченный и страшный, он медленно закружился в голубом леденистом свете месяца.*⁶ Глядя на него, сосед Афонька вспомнил, как *прошлой зимой застрелил на засаде волка, и тот, с картечью, застрявшей в разможжённой глазнице, так же страшно кружился у гуменного плетня, стрял в рыхом снегу, приседая на задние ноги, умирая в немой, безголосой смерти...*⁷ Мотив волка пересекается здесь с мотивом земли: для Степана утрата зерна для посева равносильна смерти, ходил он «посеревший и немой», земля для него живая (ср. в фольклорной традиции *земля-матушка, земля-кормилица*). А теперь *лежала вспаханная, обманутая им земля, ... страшно было ему взглянуть на чёрную, распластанную трупом пахоту.*⁸ Жажда мести при встрече с обидчиком толкает его на страшное убийство: не слушая оправданий (*нужда была, жинка померла, хлопчик вон остался*) и увещаний (*возьми коняку мово, хлеб отдам*), выкрикивал Степан накопившуюся безысходную свою боль: *Обидел! Мёртвая земля лежит! А? Голоду принял! Пухли от травы! А? ... Занёс вилы, на коротенький миг задержал их над головой и, чувствуя нарастающий гул в ушах, со стоном воткнул их в мягкое, забившееся на зубьях дрожью.*⁹ Особый драматизм ситуации в том, что это не «классовый» конфликт, объяснимый идейным противостоянием [13; 14], персо-

¹ Шолохов М. А. Рассказы. Л.: Художественная литература, 1983. С. 177.

² Там же. С. 181.

³ Там же. С. 182.

⁴ Там же. С. 187.

⁵ Там же. С. 170.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 173.

нажи по одну сторону «пропаханной между людьми борозды»: один бедняк от безысходности грабит другого, один несчастный убивает другого. Параллель между поведением человека и волка подчёркивает силу первобытных звериных инстинктов, живущих в человеке. В финале рассказа мы видим глубокое человеческое потрясение Степана, в котором, кроме звериного инстинкта мести, проявляется инстинкт ответственности за ребёнка убитого им отца: он «пошёл от воза петлястыми, пьяными шагами Прижимая к груди выгибавшегося в судорогах мальчонка, шептал, сжимая клацающие зубы: Молчи, сынок! Цыц!.. Ну... молчи, а то бирюк возьмёт. Молчи!..»¹ Обращение «сынок», длинные паузы между словами (переданные многоточиями), желание успокоить малыша детскими заличками про бирюка, – всё это попытка возвращения персонажу человеческого облика. Это создаёт сложный психологический портрет казака, живущего по законам природы, но сохраняющего нравственные ориентиры.

2. Тема трагического противоборства (рассказ «Родинка»). В литературоведческой парадигме данный рассказ рассматривается как эпиграф ко всему раннему творчеству М. А. Шолохова. В сюжете описывается ситуация смертельной схватки идейных врагов (предводителя банды донских казаков, недовольных советской властью, и красного командира Николки Кошевого), не знающих о том, что они отец и сын. И тот, и другой в описании их поведения характеризуются в сравнении с повадками волка. Ср.: *Мимо столбов иляхом глянцевиным ведёт атаман (отец Николки) банду – полсотни казаков донских и кубанских, властью советской недовольных. Трое суток, как набедившийся волк от овечьей отары, уходит дорогами и целиною бездорожно, а за ним в назирку отряд Николки Кошевого. Отъявленный народ в банде, служивский, бывалый, всё же крепко призадумывается атаман: на стременах привстаёт, степь глазами из-*

*лапывает, вёрсты считает до голубенькой каймки лесов, протянутой по ту сторону Дона. Так и уходят по-волчьи, а за ними эскадрон Николки Кошевого следы топчет.*² В характеристике последнего передаётся сходство его мимики с оскалом волка в момент схватки с атаманом: «Молодое безусое лицо, злобой перекошенное, и сужившиеся от ветра глаза».³ Появляется в рассказе и «реальный волк» как предвестник грядущих зловещих событий: *Из бурелома на бугор выскочил волк, репьями увешанный, прислушался, угнув голову вперёд.*⁴ Кульминацией рассказа становится «убийство атаманом собственного сына по неведению» [4, с. 14] и испытываемое отцом потрясение в момент, когда, снимая с убитого сапоги, он увидел на его ноге «с голубиное яйцо родинку», как у него самого. В этот момент волчья злоба, владевшая им в пылу погони, уступает место человеческой боли от осознания непоправимой утраты: «– Сынок!.. Николушка!.. Родной!.. Кровинушка моя... Чернея, крикнул: – Да скажи же хоть слово!.. Как же это, а?»⁵ Ответить на этот вопрос он уже никогда не сможет, и сын тоже: ... *накрепко закусил Николка посинелый кончик языка, будто боялся проговориться о чём-то неизмеримо большем и важном. К груди прижимая, поцеловал атаман стынущие руки сына и, стиснув зубами запотевающую сталь маузера, выстрелил себе в рот.*⁶ Это нечто «большое и важное» – не классовая вражда, не инстинкт самосохранения, а сущностное нравственное начало человека, не имеющее привязки к конкретному времени.

Отметим, что данными темами развёртывание мотива волка в ранних рассказах М. Шолохова не исчерпывается. К числу таких тем относятся, в частности, тема рождения и смерти, свободы и неволи (в разных вариантах), судьбы и предопределённости, случайности и закономерной неизбежности и др.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

¹ Шолохов М. А. Рассказы. Л.: Художественная литература, 1983. С. 173.

Сквозной мотив волка, представляющий идею сосуществования человеческого и природного в их единстве и разобщённости, особенно ярко метафорически явлен в рассказе «Лазоревая степь»: в сюжете описывается жестокая расправа богатого пана над семьёй простого землепашца – деда Захара, один из внуков которого был расстрелян, а второй, после того как по нему проехали панские телеги, остался без ног, и в свои двадцать с небольшим лет оказался непригоден к крестьянской работе (не может ходить, передвигаясь только на руках). Отчаяние и безысходность существования простого человека-землепашца, втянутого по воле обстоятельств в эту братоубийственную войну, передаются Шолоховым в следующем эпизоде: *...Аникой припал к земле лицом, глыбу, лемешами отвёрнутую, обнял, к себе жмёт, руками гладит, целует... Двадцать пятый год ему, а землю сроду не придётся пахать... Вот он и тоскует...*¹

В финале рассказа возникает мотив волка, оставляющего следы на пыльной дороге в степи: *По дороге, на заботливо расшитом полотнище пыли, виднелись следы: один волчий, шаг в шаг, редкий и разлапистый, другой – косыми полосами кромсавший дорогу, – след ... трактора. Там, где летник вливается в заросший подорожником позабытый ... шлях, следы расстались. Волчий свернул в сторону, в яры, залохматевшие непролазью бурьяна и терновника, а на дороге остался один след, пахнувший керосиновой гарью, размеренный и грузный.*² Следы уходящего в лес волка в противовес следам «бездушной машины» на фоне обесчеловеченного пространства символизируют полное разрушение связи с природным исконным представлением о земле как кормилице, источнике жизни и цели существования.

Заключение

Таким образом, мотив волка в ранних рассказах М. Шолохова выступает способом «оценочной параметризации мира в образах обыденного и мифологического сознания» [13, с. 200] и решает разные задачи:

- создаёт связь между природным и человеческим мирами;
- отражает нравственные основы поступков героев;
- моделирует художественное пространство текста;
- создаёт единство цикла рассказов, связывая различные векторы тематического развёртывания в них волчьего мотива.

Древние верования в образе волка проявляются через его сакральное значение в фольклорной традиции. Волк становится связующим звеном между миром людей и миром природы, отражая архаическое представление о единстве всего живого. Современные реалии накладываются на древний образ через призму гражданской войны и социальных потрясений [15; 16]. Волк становится символом выживания сильнейшего, что перекликается с жестокостью времени. При этом сохраняются традиционные представления о волке как о существе, подчиняющемся своим законам и противопоставленном законам человеческого бытия.

Образ волка является важным инструментом развёртывания панорамной картины мира, где переплетаются древние верования и современные реалии, человеческая природа и звериные инстинкты, личное и общественное, что в совокупности создаёт глубокое философское осмысление человеческой судьбы в эпоху перелома.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миннуллин О. Р. Поэтика рассказа М. А. Шолохова «Жеребёнок»: ритуально-мифологический аспект // Мир Шолохова. 2023. № 3(20). С. 5–12.
2. Слюсаренко Л. М. М. А. Шолохов и белорусская литература: общие традиции, константы и параллели // Мир Шолохова. 2024. № 1 (21). С. 57–63.

¹ Шолохов М. А. Рассказы. Л.: Художественная литература, 1983. С. 214.

² Там же.

3. Смышляева Е. А. Метафора в «Донских рассказах» М. А. Шолохова // Мир Шолохова. 2022. № 2(18). С. 111–117.
4. Котовчихина Н. Д. Эпическая проза М. А. Шолохова в русском литературном процессе XX века. М.: Таганка, 2004. 309 с.
5. Подчиненов А. В., Снигирева Т. А. Homo soveticus & Homo postsoveticus: модели счастья в русской литературе // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 78–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.528.
6. Дворяшин Ю. А. М. А. Шолохов в сознании современников: 110-летию со дня рождения писателя // Литература в школе. 2015. № 12. С. 2–7.
7. Урюпин И. С. «Не успеет стриженная девка косы заплести...»: об одном женском типе в творчестве М. А. Шолохова и М. А. Булгакова // Мир Шолохова. 2023. № 1. С. 14–19.
8. Гридина Т. А. Смысловая перспектива слова в игровом художественном тексте // Лингвистика креатива-4: коллективная монография / под ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. С. 270–281.
9. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Художественная литература, 1940. 649 с.
10. Абашева Д. В. Поэтика народной культуры в «Донских рассказах» М. Шолохова // Преподаватель XXI век. 2016. № 1. С. 416–423.
11. Коновалова Н. И. Прагматика русского заговора // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2007. № 1. С. 60–66.
12. Бартомицкий Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 512 с.
13. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Зооморфизмы как основа моделирования фразеологической семантики: русско-польские соответствия // Русин. 2019. № 56. С. 198–212. DOI: 10.17223/18572685/56/12.
14. Муравьева Н. М. Художественное время и пространство «Донских рассказов» М. А. Шолохова // Шолоховские чтения: сборник научных трудов. Вып. 4. М.: Таганка, 2004. С. 67–71.
15. Ковалева О. В. Изображение экстремальной социально обусловленной ситуации как способ демонстрации жизненных установок персонажа в рассказе М. А. Шолохова «Кривая стёжка» (взгляд лингвиста) // Мир Шолохова. 2024. № 2 (22). С. 46–58.
16. Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: коллективная монография / отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 2006. 561 с.

REFERENCES

1. Minnullin, O. R. (2023). Poetics of M. A. Sholokhov's story "The Foal": ritual and mythological aspect. In: *The World of Sholokhov*, 3 (20), 5–12 (in Russ.).
2. Sliusarenko, L. M. (2024). M. A. Sholokhov and Belarusian Literature: Common Traditions, Constants, and Parallels. In: *The World of Sholokhov*, 1 (21), 57–63 (in Russ.).
3. Smyshlyayeva, E. A. (2022). Metaphor in M. A. Sholokhov's "Don Stories." In: *The World of Sholokhov*, 2 (18), 111–117 (in Russ.).
4. Kotovchikhina, N. D. (2004). *Epic prose of M. A. Sholokhov in the Russian literary process of the twentieth century*. Moscow: Taganka Publ. (in Russ.).
5. Podchinenov, A. V. & Snigireva, T. A. (2020). Homo soveticus & Homo postsoveticus: models of happiness in Russian literature. In: *Scientific notes of Petrozavodsk state university*, 42 (7), 78–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.528 (in Russ.).
6. Dvoryashin, Yu. A. (2015). M. A. Sholokhov in the minds of his contemporaries: the 110th anniversary of the writer's birth. In: *Literature at school*, 12, 2–7 (in Russ.).
7. Uryupin, I. S. (2023). "Before the bobbed girl has time to braid her hair...": about one female type in the works of M. A. Sholokhov and M. A. Bulgakov. In: *The World of Sholokhov*, 1, 14–19 (in Russ.).
8. Gridina, T. A. (2018). Semantic Perspective of a Word in a Fiction Text. In: *Linguistics of Creativity-4: Collective Monograph*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ., pp. 270–281 (in Russ.).
9. Veselovsky, A. N. (1940). *Historical Poetics*. Leningrad: Fiction Publ. (in Russ.).
10. Abasheva, D. V. (2016). Poetics of folk culture in M. Sholokhov's "Don Tales." In: *Teacher XXI century*, 1, 416–423 (in Russ.).
11. Konovalova, N. I. (2007). Pragmatics of Russian conspiracy. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 1, 60–66 (in Russ.).

12. Bartminsky, E. (2005). *Linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics*. Moscow: Indrik Publ. (in Russ.).
13. Gridina, T. A. & Konovalova, N. I. (2019). Zoomorphisms as a basis for modeling phraseological semantics: Russian-Polish correspondences. In: *Rusin*, 19 (56), 198–212. DOI: 10.17223/18572685/56/12 (in Russ.).
14. Muravyova, N. M. (2004). Artistic Time and Space of M. A. Sholokhov's "Don Tales." In: *Sholokhov Readings: A Collection of Scientific Papers. Issue 4*. Moscow: Taganka Publ., pp. 67–71 (in Russ.).
15. Kovaleva, O. V. (2024). Depiction of an Extreme Socially Determined Situation as a Way of Demonstrating the Character's Life Attitudes in M. A. Sholokhov's Story "Crooked Stitch" (A Linguist's View). In: *The World of Sholokhov*, 2 (22), 46–58 (in Russ.).
16. Vepreva, I. T., Kupina, N. A. & Mikhailova, O. A., eds. (2006). The language of hatred and the language of consent in the socio-cultural context of modernity: collective monograph. Ekaterinburg: Ural State University named after A. M. Gorky Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гридина Татьяна Александровна (г. Екатеринбург) – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета;

ORCHID: 0000-0003-3993-5164; e-mail: tatiana_gridina@mail.ru

Коновалова Надежда Ильинична (г. Екатеринбург) – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета; профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина;

ORCHID: 0000-0002-8541-1014; e-mail: sakralist@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana A. Gridina (Ekaterinburg) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prof., Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University;

ORCHID: 0000-0003-3993-5164; e-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Nadezhda I. Konovalova (Ekaterinburg) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prof., Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University; Prof., Department of Russian for Foreign Students, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin;

ORCHID: 0000-0002-8541-1014; e-mail: sakralist@mail.ru